

die man mit den baltischen Appellativen vom Typ lit. *pālis* „ein grosses Moor“, „Torfmoor“, „Morast“, „Sumpf“, latein *palus* „Moor“, vergleichen kann. Die Hypothese beruht auf Tatsachen, die davon zeugen, dass das Territorium von Polesje sehr versumpft war, und dass es auf dem Boden Belorusslands, darunter im Gebiet von Polesje, viele geographische Namen gibt, die die Wurzel *pal-*, auch die ihr gleichlautende Wurzel *bal-* (vgl.: lit. *balà* „Moor“) und ihre phonetischen Varianten *pe-*, *pi-*, *pl-*, *be-*, *bi-*, *bl-* enthalten. Vgl., Полесье und das litauische Hydronym *Pelesà*.

Im Artikel werden viele belorussisch-polnische Ortsnamensoglosse erwähnt, darunter die Namen von Polesje Польшя/Полична, Пляшовка/Пляшевка/Пляшувка/Пляшувка/Плешовка, die Namen von Oberlauf des Flusses Днепр Поляша und polnischen Пелешма, Плешев. Auf diesem Grund und unter Berücksichtigung anderer Tatsachen wird die Vermutung aufgestellt, dass man die Benennung Польшя so auch wie den Namen Полесье in semantisch-etymologischem Sinne dieser Arbeit erklären kann. Vgl. die Benennung Польшя und das litauische Hydronym *Pelyšà*.

Die Analyse der weitverbreiteten Toponyme mit Wurzeln *pal-*, *bal-* und ihre phonetischen Varianten auf den baltischen und slawischen Territorien und das Vorhandensein der slawischen Appellative vom Typ *бель* „Moor“, die in der Toponymie Belorusslands gezeichnet sind, lässt den Gedanken zu, dass es diese Wurzeln mit gemeinsamer Bedeutung „Moor“, „Wasser“ auch in solchen Toponymen und Ethnonymen wie балты, Балтика, Прибалтика, белорусы, Белоруссия (hier gibt es viele Benennungen von Тур Беляя, Белое, Бельчанка), und auch in solchen Namen wie Полесье und Польшя enthalten sind.

„ЛИТВА МИНДОВГА”

Э. Гудавичюс (Вильнюс)

1. Гипотеза Г. Ловмянского. Объем доклада позволяет ограничиться только „главной линией” обширной историографии вопроса, выразительно заключенной в формуле В. Пашуто [1, с. 6, 397, 398], которая избрана в качестве названия настоящего доклада. В академическом издании истории Литовской ССР [2, р. 64–65] при характеристике балтских земель берется за основу гипотеза Г. Ловмянского относительно территории „земли Литовской” в узком смысле слова (в пределах которой находилось и княжество Миндовга) — этот исследователь ограничивал ее междуречьем Няриса и среднего течения Немана [3, S. 106–112]. Возникает вопрос: нельзя ли дополнительно обосновать некоторые гипотетические положения концепции Г. Ловмянского, превратив ее из гипотезы в систему неоспоримых фактов, или хотя бы приблизить ее к этому, а тем самым и более надежно локализовать „Литву Миндовга”?

2. Земля Нальши по Г. Ловмянскому. Если исключить из указанной территории земли селов, Упите, Делтувы, расположение которых в общем выяснено [3, с. 67–68, 106, 111–112], для земель Литовской и Нальшянской остаются пространства южно-центральной, южной и восточной Литвы. При отождествлении Нальши с территорией, которая ныне входит в состав Игналинского и Швенчёнского р-нов (в ЛитССР), а также Поставского и Ошмянского (в БССР), Г. Ловмянский опирался главным образом на три факта: 1) в походе против Миндовга ливонские крестоносцы шли „через Нальшу в Литву”; 2) перебежчик из Нальши Суксе в 1268 г. получает на свои земли инвестиру Рижского архиепископа (делается вывод, что Нальши соприкасалась с Ливонией или по крайней мере находилась недалеко от нее); 3) Нальши попала под удар Бурундая (делается вывод, что она находилась где-то на востоке Литвы) [3, с. 107–108].

Приходится выдвинуть ряд контрольных вопросов:

1) Доказуемо ли, что, направляясь „через Нальшу в Литву”, крестоносцы обязательно шли через Швенчёнис в Тракай или Аукштаварис? Не могли ли они через Аникшяй или Шету идти на те же Тракай, а может быть, и на Даугай и т. д.? Ведь Г. Пашкевич даже „установил”, что они шли по долине р. Швянтойи в район Кернаве, а территорию Нальши „ограничил” нынешними Зарасайским и Игналинским р-нами [4, с. 83–87].

2) Не могли ли татары (сюда же можно добавить и поход Довмонта из Пскова на земли его противника Герденя — оба они из Нальши) [5, с. 859; 6, с. 16–18; 7, S. 91–94¹], „воюя в Нальши”, дойти хотя бы и до местностей, где ныне находятся Ионава или даже Каунас?

3) Получил ли Суксе инвеституру, находясь в своем княжестве? Ведь она дается для перебежчика, что недвусмысленно вытекает из текста грамоты [7, S. 111; 1, с. 152, 301] (Суксе и погиб, воюя против Литвы) [1, с. 151, 152, 295, 301, 387]. Известен целый ряд таких перебежчиков [1, с. 151–154], но разве можно утверждать, что их земли обязательно граничили с владениями Ордена?

Как видно, пока достоверен только один факт: Нальши находилась где-то севернее „земли Литовской”.

3. Нальши и Нолишкис. Иногда Нальши связывают с топонимом *Noliškis(iai)* в Утенском р-не; обзор этих гипотез приводится в труде Р. Батуры [9, р. 135–137]. Сам автор, не возражая против них, к тому же еще предполагает, что следует видеть взаимную связь названий *Nalšia* и *Galšia* (Гольшаны) на основании якобы существовавшей политической связи обозначаемых ими реалий (при этом он ссылается на тексты легендарной части пространных редакций литовских летописей) [9, р. 137–140]. Опора на легенды без подкрепления более вескими доказательствами — весьма сомнительный аргумент. Еще более неудачна попытка Р. Батуры связывать Нальши с Войшелком [9, р. 137]²: Ипатьевская летопись недвусмысленно указывает, что сыну Миндовга как раз пришлось в Нальше подавлять оппозицию [5, с. 861–863; 3, с. 106–112]³.

Утенская (т. е. нолишкиская) гипотеза Нальши зиждется на созвучии топонимов. Наиболее обоснована она К. Бугою (*Noliškis* в русский язык трансформируется в „Нальши”) [11, р. 678]. Этот метод не раз себя оправдывал, но контрольные замечания необходимы и здесь: 1. Имеются *Noliškiai* в Шяуляйском и *Noliečiai* в Расейнском р-нах, оз. *Nalija* — часть оз. Плателей, р. *Nalošas* около Кальтиной и Каварскаса [12, с. 198; 13, р. 146, 190; 14, р. 201]. Уже одного из указанных объектов достаточно для вопросов: не является ли утенский Нолишкис более

¹ „Parbusse de Nere, Gerdine de Naals... Datum Lettowie in curia nostra”.

² В таком случае необходимо опровергнуть концепцию Г. Ловмянского, но это не сделано (думается, и не может быть сделано).

³ „Войшелк... поиде в Литву княжить. Литва же вся прияша и с радостью, своего господича (Ср. [10, с. 58]: „свкупи около себе вои отца своего и приятеля”). <...> Княжашу же Воишелькови в Литве, и поча ему помогати Шварно князь и Василю <...> И приде же Шварно с помощью в Литву к Воишелкови и видев Воишеволк помочь Шварнову и Василю... и рад бысть велми, и нача пристраиватися, и поиде в силе тяжкы, и нача города имати во Дявелтъве и в Нальшиях. Города же поймав, а ворогы своя избив, и тако придоша во свояси”. „Литва” в данном отрывке — явно „Литва” в узком смысле слова. Сюда возвращается Войшелк из Делтувы и Нальши „во свояси”. Здесь сталкиваемся с аналогичной ситуацией, как в зимней войне 1252 г. (см. сн. 14): „Литва” Миндовга (Войшелка) — на юге Литвы (в нее беспрепятственно приходит союзная рать Шварна). В нее — „во свояси” — возвращается Войшелк из Делтувы и Нальши.

общим литовским топонимом и можно ли в таком случае эти топонимы связывать с большой литовской землей XIII в., даже если этимология упомянутых названий и разная? 2. К. Буга учитывает только русские источники, по которым получается закономерный переход из литовского „o” в русское „a”. Но в латинских и немецких рукописях немецкого или даже немецко-литовского происхождения (если говорить об актах Миндовга) явно пишется „a” (*Nalsen, Naals*). Как при этом быть с самим Нолишкисом? Может быть, это все и совместимо, может, мы имеем дело с явлениями селонского диалекта? Автор не считает себя компетентным анализировать этот чисто филологический вопрос, но следует подчеркнуть, что сначала требуется хорошо разобраться с утверждением К. Буги и только тогда можно им аргументировать. 3. Граница земли селов ранее могла проходить южнее [15, s. 103]. Положение же Утены в описании границ этой земли в жалованной грамоте Миндовга (1259 г.) противоречиво: находясь за ее пределами, Утена все же считается принадлежностью упомянутой земли [16, S. 435]⁴. Это позволяет задать вопрос: не находился ли утенский Нолишкис в земле селов?

Выдвижением указанных вопросов отнюдь не преследуются положительные ответы. Важно другое: тезис „(утенский) Нолишкис — Нальши” еще требуется доказать, и поэтому он сам по себе еще не может считаться аргументом для локализации земли Нальши (особенно ее центра), как это утверждается иногда и в настоящее время⁵.

4. *Parbusse de Nere*. Это имя упоминается в жалованной грамоте Миндовга, в которой перечисляются члены королевского совета⁶. Отсюда следует, что в XIII в. существовала какая-то земля около Няриса. Хроника Г. Вартберге в XIV в. очерчивает ее на правом берегу нижнего течения реки [17, S. 104⁷; 11, р. 85].

Факт существования в XIII в. Нярисской земли позволяет заполнить белое пятно между Делтувой (территорией примерно нынешнего Укмергского р-на) и Ромайняй-Паштувой (современные для нас окрестности Каунаса), тем самым исключает предположение, что оговариваемое пространство каким-либо образом можно было бы связывать с Нальшей. Итак, для локализации Нальши в северной половине Литвы остается приблизительно лишь та территория, которую и очертил Г. Ловмянский. В данном случае хорошо увязывается и его предположение о северо-восточной окраине, по которой прошли войска Бурунда. Теперь открытым остается только вопрос — всю или не всю эту

⁴ „...cum omnibus pertinentiis sicut Meddenen, Calven, Mallaysen, Thowraggen, Utten, Uspal”.

⁵ Напр., на межреспубликанской конференции по этногенезу балтов в Вильнюсе (март, 1981 г.) в выступлениях Р. Батуры и В. Мажюлиса.

⁶ См. сн. 1.

⁷ „... generalis magister, eduxit suos... in terram Austheiten, cui rex Keinstut cum suo exercitu non permittens eum transire. Magister procedens ad terram Nerghe, ubi putabat se transiturum. Rex autem et ibi eum prohibuit, item eciam terram aliud vadum. Vastavit igitur magister generalis terram circa Nerge usque Valkenberge”.

территорию следует связывать с Нальшей, и если не всю, то какую ее часть? Во всяком случае упоминание в историческом документе о существовании Нярисской земли — аргумент примерно такого же порядка, как и указание ливонской рифмованной хроники, что Нальша находилась где-то севернее „земли Литовской“.

5. Косвенные аргументы по локализации Нальши. Неоспоримые свидетельства, содержащиеся в источниках, позволяют по-иному оценивать альтернативные факты.

Одним из таких фактов является известие в хронике Г. Вартберге, записанное под 1229 г., — это упоминание о битве у ручья Иммаре; причем известие вставлено между описанием раздела земли куршей и обращения меченосцев к крестоносцам о принятии первых в Орден крестоносцев [17, S. 32–33]⁸. Как известно, упомянутая битва произошла в 1223 г. между меченосцами и эстонцами [18, с. 815; 19, с. 423], а Г. Вартберге во многом опирается на ливонскую рифмованную хронику [17, S. 38–39]. В последней перед описанием обращения меченосцев к крестоносцам дается рассказ о походе меченосцев в литовскую землю *Alsen* и происшедшей там битве с литовцами [20, S. 42–43 (1799–1858)]⁹.

Датировка Г. Вартберге оценивается в литературе как ошибочная, да и события, о которых идет речь, по-видимому, имеют отношение к эстонцам, а не литовцам [17, S. 33]. Раздел земли куршей произошел не ранее 1234 г. [20, S. 11]. Но, с другой стороны, переговоры между орденами (расположение описаний которых совпадает в обеих хрониках) и правильная хронологическая оценка их Г. Вартберге (они начались около 1231 г. [21, S. 15]) заставляют учесть и литовскую альтернативу Иммарской битвы. За нее говорит также и то, что у Г. Вартберге Иммаре только ручеек, тогда как латышская Имере все-таки речка, требующая сооружения моста для переправы, как указывается у Генриха Латвийского [19, с. 423]¹⁰.

Именно в Швенчёнском р-не есть речка Мера [13, р. 76] — приток Жеймяны; левый приток Меры в настоящее время без имени [21, р. 558]. Литовские гидронимы с префиксом *ĩ* -(в-) встречаются [13, р. 216]. Не исключена возможность, что ручеек назывался *Imere*, а теперь в опоясанной местности это название забыто. Земля *Alsen* в рифмованной хронике упоминается только в одном месте и то лишь в Рижской рукописи [28, S. 290]. В Гейдельбергской рукописи в соответствующих строках упоминается *Nalsen* (т. е. Нальша). Кроме того, Нальша в обеих рукописях упоминается еще дважды [28, S. 77

⁸ „Cum quo fratres... talem fecerunt concordiam, quatenus episcopus duas partes et fratres terciam... obtinerent. Post hec habito conflictu circa rivulum Ymmare... magister et fratres... rogaverunt... generalem magistrum ordinis... sancte Marie..., quatenus eos suo ordini incorporaret“.

⁹Здесь и в аналогичных случаях в круглых скобках указываются строки хроники.

¹⁰ „... aliqua pars exercitus pontem Ymere transisset“.

(3319–3325), 290]. Какой-то намек на связь Нальши с районом р. Мера можно заметить.

Правда, это только альтернатива, которая легко оспариваема. Но при совпадении разнообразных альтернатив усиливается их вероятность. Если учитывать это, необходимо возвратиться к утенскому Нолишкису, находящемуся не так уж далеко от Меры, и рассмотреть его не в „традиционном“ филологическом, а в несколько ином аспекте.

Следует обратить внимание на то, что близ Утены находится не одна местность с названием Нолишкис или подобным ему, а несколько, и они разбросаны не в одной, а в разных апилинках (сельсоветах). Эти апилинки — Даугайляй (Нолишкис), Пакальняй (Нолишкис), Вижунос (Ноленай), Куктишкес (Нолишкелес), Сугинчяй (Нолишкис) — относятся к соседнему Молетскому р-ну [14, р. 201; 23, р. 152]. Таким образом, вырисовывается целый „массив“ данного топонима. Как это расценивать?

Во-первых, данный „массив“ располагается если не на бывшей когда-то земле селов, то во всяком случае на литовско-селонском пограничье. С другой стороны, не так уж редки племенные топонимы (напр., куршей и ятвягов–дайнавов). Если считать слово *Нолишкис* производным от *Нальши*, то это вполне совместимо с тем фактом, что в источниках XIII в. окрестности Утены очерчиваются именно как пограничная область Нальши и земли селов. Тем более, что уже приходилось отмечать проникновение населения Нальшянской земли на территорию селов, т. е. явление, характерное именно для „племенного“ названия.

Совокупность неоспоримых и альтернативных фактов о Нальше, которыми располагают исследователи, позволяет оценивать утенский „массив“ Нолишкиса как участок северо-западной границы Нальши, как ряд топонимов, возникших в селонской среде.

В связи с этим любая альтернатива, вытекающая из грамоты датского короля Эрика VI (1298 г.) [4, s. 84], в которой упоминаются земли Земгала, Тераке (Таурагнай¹¹) и *Nalexe* [16, S. 457]¹² (т. е. оценка последней или как Нальши, или только как Нолишкиса), не нарушает территориальной совокупности массива двух последних из перечисляемых земель, а тем самым дает еще один косвенный аргумент в пользу гипотезы о локализации Нальши на северо-востоке Литвы.

6. Вotchина Миндовга. Булла папы Григория IX (1234 г.), подтверждающая границы Земгальского епископства, включает в его территорию и литовские земли между Неманом, Даугавой и Нярисом [22, I. 197]¹³. Это, конечно, дележ шкуры неубитого медведя, но важно другое: почему аппетиты немецких колонизаторов ограничиваются

¹¹Ср. сн. 4 (Thowraggen).

¹² „terras videlicet Semigalliam, Nalexe et Therakoe“.

¹³ „Semigallensem autem diocesim sic limitamus, ut quicquid extra predictos terminos de Semigallis, et extra Curoniam concluditur inter Memelam et Dunam citra flumen Nyeriz et directam lineam ab ortu Nieriz, contra Ploceke in Semigallensem diocesim computetur“.

именно линией Няриса? К тому времени намеченную программу они уже претворяли в жизнь: упомянутая битва с литовцами была для них успешна, поход в землю Сауле (независимо от его исхода) тоже продолжал эту антилитовскую акцию. Поэтому (с точки зрения ливонских немцев) булла Григория IX намечала реальные рубежи данного этапа агрессивной экспансии.

Рубежи экспансии определяют только реальные политические силы. В Нальше еще в середине XIII в. князек сидит около князка: только что захватившего семью Герденя Довмонта преследуют 4 князя [6, с. 16–18]. В литовско-вольнском договоре 1219 г. упоминается о том, что в небольшой Делтуве были 4 князя [5, с. 736]. Земля селов и Упите упоминаются только как политические объекты. Так что на самом деле территорию нынешней Аукштайтии к северу от Няриса в первой половине XIII в. приходится оценивать как политический вакуум. А что же к югу от этой реки?

Описывая войну между Галичем и Литвою, происходившую в зиму 1251–1252 гг., Ипатьевская летопись театр военных действий очерчивает Шарой и Новогрудком; операционной базой наступающих галицких войск является Бельск, упомянутые войска овладевают Гродно и, наконец, врываются в „вотчину Миндовга”, подходят к „его замку” [5, с. 818–819]¹⁴. Несмотря на возвышенный тон повествования, исход войны остается неопределенным, и даже союзники Даниила переходят на сторону Миндовга [5, с. 819–820]. Судя по описанию событий, Даниилу пришлось воевать с осматрительным, хорошо подготовленным, сильным противником и опасаться его на каждом шагу (в войске Даниила даже началась паника) [5, с. 819]¹⁵. Обратим внимание на характер галицких операций: это серия коротких ударов без большого отрыва от тыла¹⁶. При таком положении трудно представить, чтобы набег на вотчину Миндовга, которая находилась где-то дальше, чем взятое Гродно и не взятый Новогрудок, достиг глубин литовской территории: здесь можно говорить лишь о соседних литовских областях, т. е. о южной Литве. Притом Ипатьевская летопись не только говорит о домене (вотчине) Миндовга, но и отличает его от всего государства (страны).

Сказано даже очень много: можно с уверенностью говорить об арее-

¹⁴ „И послаша стороже Литва на озере Зьяте, и гнаша чересь болота до реки Шарье... плениша всю землю Новогродскую, оттуда же возвратишася в дом свои... Потом же посла с братом и со сыном Романом люди своя и взяста Городен, а сама воротистася от Бельска, потом же посласта мнози своя пещце и коньники на град их и плениша вся вотчину их странных”.

¹⁵ „Совокупившимъ ся воиёмъ всим свет створиша рекуще, яко вестъ уже есть на нас; пряхим же ся им, не хотящим ити воевать, Данил же мудростью речъ отвори, яко срамоту имеешь от Литвы и от всех земель, аще не доидемъ и вратимся, наутрея же речъ светъ створим; тое ноши послав по всим воёмъ рекыи, поидете, да разумно будетъ всим не хотящим ити на воину, и зрешше же вое пошешше, и сами нуею поидоша инии же вси”.

¹⁶ См. сн. 14.

ле, в котором (или в части которого) лежали южные границы домена Миндовга: это окрестности Меркине, Даугай, Варены, Лиды. Вопрос об остальных его границах пока остается открытым.

7. Данные диалектологии и археологии. Итак, источники XIII в. позволяют выявить фрагменты пограничья Нальши и „Литвы Миндовга”, но это фрагменты не на линии соприкосновения обеих упомянутых земель.

Граница между современным восточным и южным аукштайтским диалектом проходит по среднему течению Няриса и дальше в том же юго-восточном направлении на Девенишкес [23, р. 446].

Археологи тоже различают южную и северо-восточную Литву. В первые века н. э. в южной Литве явно выделяется локальный вид штрихованной керамики, позже можно указать на различия курганных захоронений [24, р. 6]. В V–VI вв. в южной и юго-восточной Литве группы сжигаются, в северо-восточной – нет [25, р. 12, 58, 69, 71, 75–76, 79, 82, 120–121, 123, 126, *žem.* 4]¹⁷, но с VI–VII вв. умершие уже сжигаются и здесь [25, р. 22, 23, 28, 32, 83, 108, *žem.* 4]¹⁸.

Рискованно лишь на основе археологических и диалектологических данных определять границу между Нальшей и Литвой в узком смысле слова, но, будучи присовокупленными к материалам источников XIII в., эти данные позволяют иметь хотя бы приблизительное представление об ареале, в котором следовало бы ее искать, – район течения Няриса.

Уже приходилось указывать на обилие мелких князей в Нальше. Как известно, в Великом княжестве Литовском существовали мелкие владения гедрайтских, свиряйских, гольшанских князей. Все эти владения находились в нынешней зоне восточноаукштайтского диалекта и примерно в северо-восточном археологическом ареале. Если провести линию от Гедрайчяй на Гольшаны или Трабы, она прошла бы очень недалеко от линий или зон, разделяющих оговариваемые южный и северо-восточный диалектологический и археологический ареалы.

Итак, совокупность упомянутых данных позволяет в какой-то мере разграничить южную и северо-восточную Аукштайтию и связать первую с Литвой в узком смысле слова, а вторую – с Нальшей. Вопрос о более точных границах этих земель, за исключением выявившихся фрагментов, еще нельзя считать решенным. Особенно это следует сказать о границе раздела Нальши и „земли Литовской”. Во всяком случае следует заключить, что гипотеза Г. Ловмянского оправдывает себя.

8. Шальчининкай. П. Дусбург упоминает набег крестоносцев в 1311 г. на окрестности Шальчининкай, добавляя при этом, что „христианское войско там еще никогда не бывало” [26, S. 178]¹⁹. Хотя намеки на параллели между П. Дусбургом и Ливонской рифмованной хроникой и имеются, они слишком слабы для доказательства, что она могла слу-

¹⁷ Курганай, Межонис, Мицконис, Моша, Пабярже, Падваришкес, Пакраугле, Памусяй, Версека, Версекеле, Вилконис, Жейменис.

¹⁸ Антасаре, Аукштейи Русокай, Борава, Дегсне, Парайсчяй, Судота.

¹⁹ „ad territorium dictum Salsenickam, ubi nuquam visus fuit exercitus Cristianorum”.

жить ему источником, но не приходится и отрицать, что он знал или ее, или о сообщаемых в ней событиях [26, С. 6; 27, с. 186–187]. Во всяком случае, хотя и нет прямых данных, что П. Дусбург учитывает поход ливонских крестоносцев на замок Миндовга, как альтернативу это можно допустить. В таком случае район Шальчининкай пришлось бы исключить из ареала, где бы следовало искать данный замок.

9. **Заключение.** При фрагментарном определении контуров „земли Литовской” и Нальши пока невозможно установить, входили в состав последней упоминаемые в более поздних источниках Гольшанское и Свирское княжества или нет. Но этот открытый вопрос, как и ряд других, не мешает сделать выводы:

1. Гипотеза Г. Ловмянского оправдывает себя.
2. „Литва Миндовга” находилась на юге Литвы.
3. „Литва Миндовга” находилась в „Литовской земле” в узком смысле слова — территории коренного литовского племени, связываемого с южнолитовским ареалом культуры штрихованной керамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. — М.: Изд-во АН СССР, 1959.
2. Lietuvos TSR istorija. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1957, t. 1.
3. Lowmiański H. Studja nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. — Wilno, 1932, t. 2.
4. Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. — Warszawa, 1933, t. 1.
5. ПСРЛ — СПб., 1908, т. 2.
6. Псковские летописи. — М., 1955, вып. 2.
7. Bunge F. G. v. Liv., Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. — Reval, 1855, B. 1.
8. Preussisches Urkundenbuch. — Königsberg, 1909, B. 1, Lief. 2.
9. Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso ordą. — V.: Mintis, 1975.
10. ПСРЛ — СПб., 1841, т. 3.
11. Būga K. Rinkiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidyka, 1961, t. 3.
12. Спрогис И. Я. Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам россенского земского суда. — Вильна: Б. и., 1888.
13. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. — V.: Mintis, 1970.
14. Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. — V.: S. n., 1974.
15. Мажюлис В. П. О связях литовско-латышского с другими древнебалтийскими диалектами. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
16. Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. — SPb., 1892.
17. Scriptores rerum prussicarum. — Leipzig, 1863, Bd. 2.
18. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: В 2-х ч. — М.: Изд-во АН СССР, 1953, ч. 1.
19. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. — М.—Л., 1938.
20. Chudzinski E. Die Eroberung Kurlands durch den Deutschen Orden im 13. Jahrhundert. — Borna—Leipzig, 1917.
21. Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija. — V.: Mintis, 1968, t. 2.
22. Senās Latvijas vēstures avoti. Sēj. 2. burtn. 1. — Rīgā, 1937.
23. Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. — V.: Mintis, 1966.
24. Lietuvos materialinė kultūra IX–XIII amžiuje. — V.: Mokslas, 1977, t. 1.

25. LAA. — V.: Mokslas, 1977, t. 3.

26. Scriptores rerum prussicarum. — Leipzig, 1861, Bd 1.

27. Pollakówna M. Kronika Piotra z Dusburga. — Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.

28. Livländische Reimchronik. — Paderborn, 1876.

LITAUEN MINDOWES

E. Gudavičius

Zusammenfassung

Beim Identifizieren des Landes Litauen im engen Sinne, womit auch die Frage des Fürstentums Mindowes verbunden ist, können wir uns auch heute auf keine konstruktivere Konzeption als die Hypothese von H. Lowmiański stützen, welche dieses Land zwischen die Neris und den Mittelstrom von Nemunas sowie das Land Nalšia in die heutigen Bezirke von Švenčionys, Ignalina und Molėtai legt. Aber die Quellen, welche zu dieser Schlussfolgerung geführt haben, bieten nur eine unbestrittene Tatsache vor: Nalšia lag irgendwo nördlicher als das Land Litauen. Gibt es noch irgendwelche Information darüber in den Quellen?

Im 13. Jahrhundert gab es ein Land Neris an dem Niederstrom des gleichnamigen Flusses. Das erlaubt zu sagen, dass der Raum westlich von Deltuva (dem heutigen Bezirk von Ukmergė) nicht an Nalšia gehörte, und bestätigt die Behauptung H. Lowmiański's. Die Bulle Gregors IX. (1234) begrenzt die Zone des Vordringens der Livländer mit der Neris, Somit deutet er an, dass südlich von diesem Flusse eine stärkere Macht lag.

Im Winterkrieg 1251 bis 1252 stieß das Heer von Halič auf einen starken Widerstand der Litauer, konnte nur mit der Rücksicht auf seine Hinterstützpunkte auftreten und keinesfalls in die Tiefe des Feindlandes eindringen. Es hat Grodno genommen und danach „das Patrimonium des Landes” von Mindowe verwüstet.

Die aufgezählten Angaben zeigen, dass Mindowes Fürstentum im Südlitauen lag. Die Hypothese von H. Lowmiański besteht die Prüfung der Zeit.

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА В ПРИБАЛТИКЕ

Э. Тыниссон (Таллин)

Этнографами в восточной Прибалтике выделены три основных типа крестьянского жилища — восточный (курная изба), западный (жилище с *ровисом* или *каминасом*) и северный (жилая рига) [1, с. 347–359]. Первый тип был распространен (рис. 1) в восточной и центральной Литве, а также в восточной Латвии и юго-восточной Эстонии. Областью распространения второго типа были, кроме западной части территории Литвы, западные и центральные районы Латвии. Третий тип получил распространение в Эстонии и северной Латвии. Жилища первого и второго типов можно было встретить и вне пределов их основного ареала.

Основными критериями выделения этих типов этнографы считают способы обогрева жилья и приготовления пищи (т. е. форму очагов и печей), а также внутреннюю планировку построек.

Жилые постройки Прибалтики известны этнографам главным образом по данным XIX–XX вв., когда они, как правило, отличались сложной внутренней планировкой и состояли из многих помещений. Но местами сохранились и более простые формы планировки (рис. 2).